
Экстра (IF-линия): Твой юный образ

Лунный свет лениво ускользал из объятий ночи, оставляя в комнате лишь тусклое мерцание ламп.

Зажатая между пальцев Чу Сюня сигарета догорала; пепел едва держался, а жар уже окрасил бледную кожу фаланг в алый цвет. Но он не обращал на это внимания. Слегка прищурив подёрнутые дымкой глаза, он наклонился и неспешно коснулся губ Ло Хуая долгим поцелуем.

Ло Хуай, пребывая в полузабытьи, прильнул к его груди. Чёрный шёлк халата небрежно сполз с плеч, обнажая белизну кожи, усыпанную бесчисленными багровыми следами недавней страсти. Юноша послушно приподнял голову, отвечая на ласку, но когда их губы разошлись, он вдруг о чём-то вспомнил, и его брови едва заметно дрогнули.

Чу Сюнь тут же уловил перемену в его настроении.

— Тебе нехорошо? — негромко спросил он, опустив взгляд.

В прошлом Ло Хуай долго лечился галлюциногенами типа SPII, из-за чего его сон и душевное равновесие часто бывали нестабильны. Лишь теперь, рядом с Чу Сюнем, ему стало гораздо лучше; он почти перестал позволять своему телу и разуму давать сбой.

Юноша качнул головой и тихо проговорил:

— То, что ты рассказывал в прошлый раз... о своём прошлом. Ты ведь так и не закончил.

Чу Сюнь не сдержал короткого смешка и мягко сжал его затылок.

— Давай сегодня просто выспимся. Я доскажу всё, когда ты проснёшься.

Заметив разочарование в глазах Ло Хуая, Чу Сюнь на мгновение задумался. Затем он нарочито медленно отвёл влажные от пота пряди с его лба и с улыбкой прошептал:

— Кто знает, быть может, сегодня ночью во сне ты сам меня увидишь.

Он протянул руку и погасил лампу. Переплетённые силуэты двоих людей растворились в темноте, и вскоре в комнате воцарилась тишина.

Аукционный дом «Соверей»

Холодный туман клубился в ночном воздухе; ледяная сырость медленно пробиралась под воротник, сковывая тело. Когда Ло Хуай пришёл в себя, он обнаружил, что стоит перед входом в какое-то величественное здание.

Мимо нескончаемым потоком тянулись люди: мужчины в безупречных фраках и дамы в платьях со шлейфами, подметающими пол. Все они явно жертвовали теплом ради стиля — типичное собрание высшего общества.

В своём времени Ло Хуай обладал такой властью, что в любом месте его встречали как самого почётного гостя. Он не мог просто стоять у дверей, оставаясь незамеченным.

«Но самое главное... где Чу Сюнь? Почему я здесь?»

Юноша раздражённо нахмурился, но когда его взгляд повторно скользнул по вывеске аукционного дома, он замер.

Аукционный дом «Соверей»?

Чу Сюнь упоминал, что в юности провёл здесь какое-то время.

«Это сон или же?..»

Впрочем, ответ был уже не важен. Пока оставался хоть малейший шанс увидеть Чу Сюня, Ло Хуая не заботило всё остальное. Он нащупал в кармане тиснёное золотом приглашение и с невозмутимым видом протянул его швейцару.

Несмотря на незнакомое лицо, от гостя исходила такая аура ледяного превосходства и привычки повелевать, что слуга не посмел задавать вопросы и почтительно проводил его внутрь.

Судя по всему, он прибыл не к самому началу. Когда распорядитель подвёл его к месту, аукционист уже представлял лот под номером 85.

Ло Хуая совершенно не интересовали диковинные сокровища; его единственной целью было найти Чу Сюня. И всё же он бросил мимолётный взгляд на ярко освещённую сцену в центре зала.

В этот миг сердце его пропустило удар.

Шёлковое покрывало с лота №85 было сорвано. В кованой железной клетке, абсолютно чёрной и мрачной, сидел подросток с до боли знакомыми чертами лица. Он сидел неподвижно, опустив голову, но из-под спутанных волос на лбу проглядывали те самые серебристо-голубые глаза, от которых невозможно было отвести взор.

С кончиков его пепельно-серых волос медленно стекала кровь, бесшумно падая на пол и расцветая на нём жестокими алыми цветами.

— Лот номер восемьдесят пять — исключительное творение лаборатории Лолань, — с улыбкой провозгласил аукционист. — Это лучший из тысяч подопытных. Он обладает феноменальной сопротивляемостью к ядам и колоссальной боевой мощью, что делает его незаменимым для выполнения самых опасных поручений.

— И конечно, — добавил он вкрадчиво, — приятным сюрпризом станет его лицо, которое способно поразить воображение любого эстета.

Стоило ему произнести это, как зрачки замершего в клетке юноши едва заметно дрогнули, и он бросил на оратора мимолётный, почти неуловимый взгляд.

В то же время на трибунах Ло Хуай ощутил, как внутри него вскипает жажда крови. Он едва слышно, с ледяным сарказмом повторил про себя слова «лот номер восемьдесят пять», и его пальцы до белизны сжали подлокотник кресла.

Зал взорвался криками — ставки взлетали одна за другой, но мужчина хранил молчание. Он лишь запоминал лица тех, кто выкрикивал суммы, и в его тёмных глазах, казалось, застыл яд.

Торги за Чу Сюня подошли к концу. Финальная цена достигла невероятных шестисот миллионов, а победителем оказался совсем молодой человек — исход, которого никто не ожидал.

После того как все сто лотов были распроданы, гостей пригласили на фуршет. Покупателей же проводили через специальный коридор в отдельные хранилища, чтобы те могли забрать свои драгоценные приобретения.

Ло Хуай неспешно поднялся со своего места. Он вошёл в толпу оживлённо беседующих аристократов и коротким жестом велел подошедшему официанту подать вина.

Алое вино плеснуло в хрустальный бокал. Осушив его одним глотком, он резко обернулся и с сухим треском разбил хрупкое стекло о поднос.

Брызги и осколки вызвали волну испуганных возгласов. Ло Хуай вытер капли вина с губ,

медленно подобрал самый острый осколок и тонко улыбнулся.

...

В конце концов, переступив через тела тех, кто стоял у него на пути, и разделавшись с охраной аукционного дома, он ворвался в хранилище, где находился Чу Сюнь.

В тесном помещении дверца железной клетки была уже распахнута. Тот самый юноша в белом, купивший Чу Сюня, стоял рядом и ласково шептал:

— Всё верно, теперь ты свободен. Я пришёл сегодня, чтобы выпустить тебя. Ты ведь всегда был хорошим мальчиком, не так ли?

Подросток в клетке, казалось, не верил своим ушам. Он слегка склонил голову набок, разглядывая незнакомца.

Исполнитель, прибывший для спасения «главного героя», лучезарно улыбнулся и открыто протянул Чу Сюню руку, показывая отсутствие дурных намерений.

Чу Сюнь на мгновение заколебался; в его взгляде промелькнуло некое подобие надежды.

Но стоило ему приготовиться встать, как ворвавшийся в комнату Ло Хуай в мгновение ока прижал его «спасителя» к стене, намертво перехватив за горло.

Острый край окровавленного стекла оставил глубокую полосу на шее Исполнителя.

— Отойди от него, — прохрипел мужчина, и его голос сочился неприкрытой угрозой.

Он явно намеревался перерезать сонную артерию тому, кто был в его руках. Но прежде чем стекло вонзилось в плоть, Чу Сюнь заговорил.

— Не убивай его.

Голос подростка был чистым и звонким — он разительно отличался от того небрежного, дразнящего тона, к которому Ло Хуай привык в будущем. В нём слышалось нечто обезоруживающе невинное.

Тот на мгновение замер и инстинктивно разжал руку.

Исполнитель, не привыкший к столкновениям с подобными безумцами, решил, что собственная шкура дороже миссии, и поспешно выскочил за дверь.

Впрочем, Ло Хуаю уже не было до него дела.

Почти теряя самообладание, он опустился на корточки перед Чу Сюнем. Он до боли в сердце хотел коснуться его, но боялся напугать, а потому лишь едва заметно улыбнулся.

Чу Сюнь с любопытством разглядывал красивого мужчину перед собой. На том был строгий чёрный костюм; он выглядел благородно и изысканно, но та беспощадность, с которой он только что действовал, резко выделяла его на фоне скучных аристократов.

И что важнее всего: его ледяная ярость сменилась чем-то удивительно кротким и мягким. Его чёрные, похожие на обсидиан глаза теперь светились теплотой и уязвимостью, напоминая тающий сливочный крем.

Чу Сюнь тонко улыбнулся и спросил:

— Значит... ты тоже пришёл нанять меня?

Ло Хуай машинально покачал головой.

Что ж, похоже, говорить он сейчас был не в силах.

Тогда Чу Сюнь снова усмехнулся:

— В таком случае, ты хотя бы назовёшь мне своё имя?

— Меня зовут... Ло Хуай.

Он произнёс это очень тихо, словно боясь потревожить покой собеседника.

— Ло Хуай.

Чу Сюнь неспешно пробовал это имя на вкус, а затем доверительно подался вперёд. С лёгким оттенком замешательства, почти по-детски, он спросил:

— Перед тем как отправить меня сюда, в лаборатории мне ввели особый препарат для расслабления мышц. Нужно время, пока действие пройдёт. Если ты спешишь увести меня... не мог бы ты взять меня на руки?

Ло Хуай моргнул, не сразу осознав услышанное.

Волосы Чу Сюня в то время были гораздо длиннее — их явно не стригли месяцами. Пряди на концах завивались, сохраняя липкое, сладковатое ощущение свежей крови.

Когда юноша наклонился, его волосы коснулись шеи Ло Хуая, оставляя на бледной коже яркую красную полосу.

— Прости.

Казалось, Чу Сюню стало неловко за оставленный след. Он протянул руку и медленно, кончиками пальцев, принялся стирать кровь с шеи собеседника. Его движения были вкрадчивыми, почти ласкающими — он не столько вытирал, сколько нежно поглаживал чужую кожу.

Он слегка опустил веки, скрывая вспыхнувший в глазах темный интерес.

«Этот человек по имени Ло Хуай... он очень силен»

«Но почему он так беспечно открывает мне свою яремную вену?»

Странная, интригующая маскировка.

Пальцы Чу Сюня замерли, и он нехотя отстранился.

Ло Хуай же, глядя на эту юную, «чистую и добрую» версию своего возлюбленного, ощутил прилив нежности.

— Где ты ранен? — с тревогой спросил он.

Чу Сюнь качнул головой, и его улыбка была само милосердие.

— Нигде. Это чужая кровь.

«Вот и славно»

Затем Ло Хуай перехватил запястье Чу Сюня и, слегка покраснев, озвучил то самое безумное желание, которое давно мечтал исполнить:

— Чу Сюнь.

Он серьёзно посмотрел ему в глаза и понизил голос:

— Ты... позволишь мне унести тебя отсюда на руках? Как принцессу?

«Ведь он наверняка согласится? Он сейчас такой маленький, такой невинный и кажется таким покладистым...»

Сердце Ло Хуая затрепетало в предвкушении.

Серебристо-голубые глаза Чу Сюня сощурились в весёлом прищуре.

— Разумеется... нет.

Сердце Ло Хуая жалобно звякнуло, разбиваясь на осколки.

— Думаю, я уже могу идти сам. Просто поддержи меня.

Чу Сюнь лениво добавил эту фразу и, как ни в чём не бывало, закинул руку на плечо Ло Хуая. Он притянул его к себе так плотно, что они почти обнимались, и с его помощью поднялся на ноги.

Очевидно, даже в восемнадцать лет Чу Сюнь не уступал Ло Хуая в росте.

— Кстати...

Чу Сюнь словно что-то вспомнил. Он слегка склонил голову и замер, сверху вниз пристально разглядывая лицо Ло Хуая.

На его губах всё ещё играла улыбка, но взгляд стал пугающе глубоким.

Бледная кожа Чу Сюня в свете ламп казалась холодной и безжизненной, точно старинный фарфор.

Он бесстрастно сжал плечо мужчины, а затем медленно поднял руку и, ведомый каким-то странным порывом, коснулся его щеки.

Ощущение тепла и мягкости кожи Ло Хуая под его ладонью неожиданно доставило Чу Сюню удовольствие. Его улыбка стала ярче, а голос — ещё нежнее:

— Ло Хуай, откуда ты знаешь имя, которое я носил когда-то давно?

Тонкое, как лист, лезвие длиной в два пальца было искусно спрятано в его широком рукаве. Ло

Хуай слегка повернул голову; он отчётливо чувствовал холод прикосновения стали к своей коже.

Но он и не думал уклоняться. Напротив, он беспечно потёрся щекой о ладонь Чу Сюня и негромко ответил:

— Потому что я... очень долго мечтал о встрече с тобой.

— Очень, очень долго.

Чу Сюнь на мгновение замолк, а затем вдруг звонко рассмеялся.

Ответ звучал совершенно нелепо и даже абсурдно. Но юноша, казалось, поверил в него. Он весело и легкомысленно произнёс:

— Какой любопытный ответ... Так что же, Ло Хуай, это было признание в любви или приглашение в постель?

<http://bllate.org/book/15843/1436500>